

отъ службы не будетъ имѣть существеннаго значенія, не улучшить ихъ самихъ; скорѣе можно предполагать, что такіе люди создадутъ новыя условія жизни, несравненно тяжелѣе настоящихъ. Въ самомъ дѣлѣ, если согласиться съ вами, что тотъ или другой строй жизни создается людьми, безъ участія промыслительной дѣятельности Творца, и создается онъ, повидимому, людьми властолюбивыми въ своекорыстныхъ расчетахъ, само собою понятно, если въ нихъ эта страсть въ корнѣ не уничтожится, склонность къ грѣху будетъ тяготѣть,—то откуда же они возьмутъ производительную силу добра, чтобы водворить свободныя братскія взаимоотношенія?

— Вопросъ о водвореніи свободныхъ братскихъ отношеній между людьми,—сказалъ блѣднолицый господинъ,—кажется вамъ неразрѣшимымъ потому лишь, что вы упорно держитесь своего взгляда на законы царящаго въ мірѣ зла, для уничтоженія или ослабленія какового будто бы необходимы извѣстныя сдерживающія начала въ видѣ церковной дисциплины и государственныхъ репрессій, т. е. должна быть извѣстнаго рода узда. Все это чистѣйшая выдумка: Толстой страшно вѣритъ въ силу добра; онъ думаетъ, что люди болѣе добры, чѣмъ злы, зло что-то призрачное, созданное нашимъ больнымъ воображеніемъ. Въ дѣйствительности, по мѣрѣ того, какъ мы освободимъ себя отъ подобной иллюзіи, зло не будетъ имѣть рокового значенія для людей.

— Однако изъ романа этого не видать, чтобы зло было призрачно въ жизни людей. Напротивъ, при описаніи мрачной стороны послѣдней, Толстой убѣждаетъ насъ въ томъ, что зло дѣйствительно царитъ въ мірѣ, и что поэтому на наши добрыя склонности приходится полагаться съ крайней осторожностью. Въ особенности рѣзко подчеркиваетъ Толстой послѣднее, когда рассуждаетъ о совѣсти и разумѣ,—этихъ, по его мнѣнію, источникахъ добра.

„Обыкновенно думаютъ,—пишетъ Толстой въ разсматриваемомъ нами романѣ,—что воръ или убійца, признавая свою профессію дурною, долженъ стыдиться ея. Происходитъ обратное. Люди, судьбою и своими грѣхами и ошибками поставленные въ извѣстное положеніе, какъ бы оно ни было правильно, составляютъ себѣ такой взглядъ на жизнь вообще, при которомъ ихъ положеніе представляется имъ